

№ 187. ЧЕТВЕРГЪ, 8 ЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 м. 1 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкой на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 75 к. Огласитель № 26 въ вѣстникъ редакціи и выкупъ продажи по 3 к.

За доставку адресъ иностраннаго подписчика, уплаченъ 20 к., переписка, перевода въ иностранн.—50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Важная плата заправленію 4 д. 0 к. и 5 коп. безъ доставки члѣнъ. Подписка и объявленія принимаются въ редакціи вѣстникъ (Хриштинъ, № 26), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газетъ: Брешневъ 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ЧЕТВЕРГЪ, 8 ЮЛЯ 1904 г. № 187

КІЕВСКІЕ ОТКЛІКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

За одну строку въ столбцѣ или въ столбцахъ по ширинѣ за первый разъ 17 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; объявленія по столбцамъ по 20 к., по ширинѣ по 12 к. При объявленіяхъ объявленіемъ заглавія и заглавія и заглавія по 12 к., заглавія по 12 к., заглавія по 12 к.

Объявленія должны быть на чистомъ листѣ и должны быть вѣстникъ и вѣстникъ, въ случаѣ необходимости, объявленія и объявления. Объявленія должны быть обратны и должны быть обратны. Объявленія должны быть обратны и должны быть обратны.

Важная для объявленія объявленія объявленія объявленія отъ 2 до 4 ч. дня.

Подписи и въ вѣстникъ объявленія: Брешневъ 4, Тел. № 510.

Къ кончинѣ А. П. Чехова.

Отъ вдовы А. П. Чехова 5 іюля В. А. Гольцевымъ получена телеграмма, что она выѣхала съ тѣломъ, такъ что въ Москву тѣло должно прибыть или въ четвергъ, 8-го, или въ пятницу 9-го, утромъ. Траурный вагонъ слѣдуетъ нѣсколько кружнымъ путемъ, черезъ Вержболово на Петербургъ. Изъ Петербурга, тѣло, конечно, прибудетъ по Николаевской дорогѣ, и встрѣча предполагается на Николаевскомъ вокзалѣ. Здѣсь же будутъ приготовлены и колесницы для вѣнковъ, которые пожелаютъ возложить разные общества, учрежденія и частныя лица. Послѣ краткой литіи на вокзалѣ, печальное шествіе направится прямо въ Новодѣвичій монастырь.

Наиболѣе вѣроятно, что тѣло прибудетъ въ пятницу 9-го іюля, утромъ.

Къ сожалѣнію, въ Баденвейлерѣ, гдѣ скончался Чеховъ, нельзя было набальзамировать тѣло, и металлическій гробъ былъ тотчасъ же запаянъ.

Со всѣхъ сторонъ стекаются къ В. А. Гольцеву, на котораго вдовой А. П. Чехова возложены всѣ распоряженія по похоронамъ дорогого писателя, выраженія сочувствія и соболѣзнованія. Телеграммы со всѣхъ концовъ Россіи получаютъ и въ редакціи „Русской Мысли“, въ которой покойный писатель принималъ близкое участіе въ послѣдній годъ, какъ редакторъ одного изъ отдѣловъ.

Судя по этимъ телеграммамъ,—говорятъ „Нов. Дня“,—можно предполагать, что ко дню похоронъ съѣдутся въ Москву очень и очень многіе,—всѣ, кто только къ этому будетъ имѣть малѣйшую возможность.

Друзья А. П. Чехова, съ В. А. Гольцевымъ во главѣ, намѣрены, помимо сбора средствъ на школу имени покойнаго писателя, устроить также подписку на сооруженіе памятника на его могилѣ.

Братъ покойнаго, Ал. П. Чеховъ (Сѣдой) пріѣхалъ въ Москву съ порученіемъ отъ издателя „Новаго Времени“ А. С. Суворина—пріобрѣсти на средства „Новаго Времени“ мѣсто для послѣдняго упокоенія останковъ Чехова. Но „Русская Мысль“ уже ранѣе выразила желаніе пріобрѣсти могилу для Чехова и принять на свой счетъ всѣ расходы по отданію послѣдняго долга Чехову—по перенесенію тѣла съ вокзала въ Новодѣвичій монастырь и по церковной службѣ.

«Рус. Вѣд.» получили отъ Г. Б. Іоллоса изъ Мюльгейма слѣдующее извѣщеніе отъ 5 іюля: «Сегодня, въ 6½ ч. утра, гробъ съ тѣломъ А. П. Чехова доставленъ изъ Баденвейлера на станцію въ Мюльгеймъ. Сопровождаютъ гробъ вдова покойнаго, два московскихъ студента и я. Отсюда гробъ тотчасъ отправляется въ Берлинъ, но вѣсто того, чтобы везти его со скорымъ поѣздомъ, какъ предполагалось, приходится отправлять его съ пассажирскимъ, вслѣдствіе чего тѣло А. П. Чехова прибудетъ въ Петербургъ, вѣроятно, въ пятницу, а въ Москву—утромъ въ субботу. Изъ Берлина буду телеграфировать. Русскіе студенты въ Дармштадтѣ телеграфировали, что они хотѣли бы встрѣтить тамъ поѣздъ и возложить на гробъ вѣнки. Выраженіе соболѣзнованій и разные запросы по поводу смерти А. П. Чехова массами поступаютъ на ния мѣстнаго курортнаго управленія и прямо по адресу вдовы. Франкфуртская и берлинская печать посвящаетъ покойному теплые некрологи и выражаетъ соболѣзнованіе о потерѣ, понесенной міровою литературой».

Пока имѣются уже для возложенія на гробъ слѣдующіе вѣнки: „Горячо любимому художнику-человѣку „Русская Мысль“, „Досточтимому писателю—незабвенному сотруднику „Русскія Вѣдомости“, „Незабвенному сочлену общества любителей російской словесности“.

Всѣ эти вѣнки будутъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ имѣется серебряный вѣнокъ отъ „Мира Божьяго“.

— „Пріаз. Край“ сообщаетъ; „Въ январѣ текущего года Таганрогъ готовился отпраздновать достойнымъ образомъ 25-лѣтіе литературной дѣятельности своего знаменитаго согражданина. Дума поручила уже управѣ выработать подробную программу праздника и эта программа была уже заготовлена. Между прочимъ, предполагено было просить А. П. принять званіе почетнаго гражданина г. Таганрога, городскую бібліотеку, всегда такъ привлекавшую симпатіи А. П., рѣшено было назвать „Чеховской“. Кромѣ того, проектировалось образовать особый фондъ для устройства ряда просвѣтительныхъ учрежденій съ присвоеніемъ всѣмъ имъ наименованія „Чеховскихъ“. Днемъ праздника было намѣчено 17-го января, — день ангела А. П. Но письмо А. П., полученное г. Іордановымъ, положило конецъ всѣмъ проектамъ о празднествѣ: Мнѣ нездоровится, писалъ А. П. Настроеніе у меня совсѣмъ не юбилейное. Я прошу оттянуть празднованіе моего юбилея до болѣе благопріятнаго будущаго».

— Постановкѣ „Вишневаго сада“ предшествовалъ, какъ извѣстно, слѣдующій инцидентъ. Въ „Нов. Дня“ было напечатано содержаніе пьесы. По просьбѣ А. П. Чехова, проживавшаго тогда въ Ялтѣ, „Крымскій Курьеръ“ напечаталъ замѣтку, въ которой указывалось на полное извращеніе „Новостями Дня“ содержанія пьесы. Между тѣмъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, читавшій эту пьесу до ея постановки, въ тѣхъ-же „Нов. Дня“ удостовѣрилъ точность передачи газетой ея содержанія и близость къ подлиннику. Загадочный эпизодъ этотъ выясняется теперь г. Сигемъ въ „Од. Нов.“ и г. Первухинымъ въ „Од. Л.“. Объясняется инцидентъ особой чувствительностью почившаго къ своимъ произведеніямъ. Г. Первухинъ объясняетъ: „вся суть въ томъ, что репортеръ, вѣрно передавая все содержаніе пьесы, нѣсколько не такъ понялъ характеръ дѣйствующихъ лицъ, какъ понималъ самъ Чеховъ“. „Инцидентъ, — говоритъ г. Сигъ, — доказываетъ, какъ чувствителенъ былъ Чеховъ къ малѣйшему искаженію его мыслей, его формы. Достаточно было измѣнить одинъ штрихъ, чтобы у Чехова вырвался крикъ боли: „Ничего подобнаго!“ Это шаржъ, если говорить вообще. Но это естественно и понятно, когда рѣчь идетъ о Чеховѣ. Здѣсь малѣйшая неточность, отступленіе отъ замѣсла, опущенная деталь разбиваетъ все впечатлѣніе. И получается именно: „Ничего подобнаго“.

— За ужиномъ послѣ перваго представленія „Вишневаго сада“ Ѳ. И. Шаляпинъ, какъ сообщаетъ теперь „Рус. Сл.“, сказалъ небольшую рѣчь, которая понравилась тогда своей образностью и которую стоитъ припомнить въ эти скорбные дни, когда всѣ мы заняты горькимъ вопросомъ: „что потеряли мы въ Чеховѣ?“

Газета приводит маленькую рѣчь Шаляпина своими словами, „но какъ можно ближе къ подлиннику“.

„Господа! Говорятъ, что у человѣка пять чувствъ: слухъ, зрѣніе, вкусъ, обоняніе, осязаніе. Это неправда. У человѣка есть еще одно чувство. Это чувство — пошлость. И сильное чувство! Человѣкъ смотритъ пошлостью. Человѣкъ слушаетъ пошлостью.“

человѣкъ смотритъ и видитъ не то, что видитъ его глазъ,—а то, что видитъ его пошлость. Человѣкъ слушаетъ и слышитъ не то, что слышитъ его ухо,—а то, что слышитъ его пошлость. Пусть вокругъ самыя лучшія произведенія искусства, пусть вокругъ раздаются самыя лучшія слова,—онъ восприметъ это все своей пошлостью, и все это передается его уму опошленное. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ ничего пошлаго,—онъ увидитъ пошлостное, такъ сильно это чувство, которымъ онъ видитъ и слышитъ! И во всемъ-то найдетъ человѣкъ себѣ пошлость. И все-то превратитъ въ пошлость. И одной сплошной пошлостью сдѣлаетъ всю жизнь свою. Никто такъ ясно не открывалъ въ человѣкѣ этого шестого могучаго чувства, какъ Антонъ Павловичъ. Никто съ такою жалостью къ человѣку не обрисовалъ этого чувства,—какъ онъ.

— Петербургская городская управа въ экстренномъ засѣданіи постановила просить московскаго гор. голову возложить отъ имени Петербурга вѣнокъ на гробъ А. П. Чехова. Изъ Петербурга отправлены вѣнки отъ мѣстнаго еврейскаго общества, слушательницъ медицинскихъ курсовъ, артистовъ и врачей.

— Намъ сообщаютъ изъ гор. Дубно: Только что полученное извѣстіе о смерти Чехова произвело здѣсь ошеломляющее впечатлѣніе. Супругъ покойнаго Антона Павловича, г-жѣ Книпперъ послана въ Ваденвейлеръ телеграмма: „Потрясенныя глубоко смертию незабвеннаго Антона Павловича просимъ принять увѣреніе въ невыразимомъ нашемъ соболѣзнованіи и скорби“. Послано также обширное письмо, покрытое многими подписями“.

— Санитарное бюро при московской губернской земской управѣ отправляетъ вдовѣ А. П. Чехова телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу кончины писателя и ихъ бывшаго „сослуживца“. А. П. Чеховъ, сообщаетъ „Р. Сл.“, дѣйствительно былъ ихъ сослуживцемъ и поработалъ земству въ трудную минуту. Это было въ годъ холеры. Тогда у А. П. Чехова былъ хуторокъ подъ Подольскомъ. Открылась холера, и покойный не усидѣлъ дома; А. П. Чеховъ поступилъ на службу въ санитарное бюро.

— Редакціей „Южнаго Обозрѣнія“ отправлена въ Москву на имя вдовы покойнаго писателя О. А. Чеховой—Книпперъ телеграмма слѣдующаго содержанія: Редакція „Южнаго Обозрѣнія“, потрясенная безвременной кончиной Антона Павловича Чехова, выражаетъ вамъ свои чувства безграничной скорби объ утратѣ, понесенной русской литературой и русскимъ обществомъ въ лицѣ высокосталатливаго художника, отразившаго въ своихъ произведеніяхъ нашу жизнь.

— Обществомъ херсонской общественной бібліотеки въ помѣщеніи послѣдней 4 іюля отслужена панихида по покойномъ А. П. Чеховѣ, причемъ отъ имени присутствовавшихъ на панихидѣ семь покойнаго послана телеграмма съ выраженіемъ соболѣзнованія о невознаградимой утратѣ, раздѣляемой всей интеллигентной Россіей.

(“Ел. Нов.”),

— Одесская интеллигенція блистала своимъ отсутствіемъ на панихидѣ по А. П. Чеховѣ. Къ своему удивленію,—разсказываетъ сотрудникъ „Южн. Об.“,—я не видѣлъ на панихидѣ очень мнѣгихъ одесскихъ интеллигентовъ. Совершенно отсутствовали представители нашего университета. Почти не было нашихъ докторовъ, нашихъ адвокатовъ, всѣхъ тѣхъ, которые причисляютъ себя къ міру интеллигенціи“.